

И.В. В л а с о в а

**М.В. ВИТОВ –
ЭТНОГРАФ И АНТРОПОЛОГ (1923–1968)***

В 2003 г. исполняется 80 лет со дня рождения Михаила Владимировича Витова, оставившего заметный след в разных направлениях отечественной науки – исторической этнографии и этнической антропологии.

Его путь в науку начался в 1942 г., когда он поступил в Московский государственный университет на исторический факультет и стал специализироваться сначала по кафедре археологии, а затем перешел на кафедру этнографии. Еще студентом он участвовал в экспедиционной работе Института этнографии АН СССР и получил подготовку как полевой работник. После университета он обучался в аспирантуре под руководством Н.Н. Чебоксарова и в 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию по теме «Поселения Заонежья в XVI–XVII вв. как предмет этнографического изучения». С этого времени он начал работать на кафедре этнографии МГУ и кроме преподавательской деятельности занимался обширными историко-этнографическими и антропологическими исследованиями. В 1960-е годы Михаил Владимирович был вынужден оставить преподавание из-за болезни и в последние годы своей жизни работал в Институте истории АН СССР в секторе «Историческая география».

М.В. Витов прожил недолгих 45 лет и оставил после себя немного работ, но каждую из них «отличал высокий творческий накал, оригинальность и тщательность анализа»¹. Научный диапазон Михаила Владимировича был широк. Его интересовали проблемы заселения Океании, этническая карта Британских островов, антропология стран Прибалтики, Белоруссии, России, а также историческая картография, историко-этнографические проблемы и топонимическое источниковедение, связанные с углубленным изучением Русского Севера. Не удивительно, что из-под его пера вышли перевод с английского книги новозеландца Те Ранги Хироа (Питера Бака) «Мореплаватели солнечного восхода»², посвященной обоснованию одной из теорий заселения Тихоокеанского региона, работы по антропологии населения Восточной Прибалтики³, Белоруссии⁴ и несколько книг и статей по этнографии и антропологии севернорусского населения. Историко-этнографическое и антропологическое изучение Европейского Севера России стало его главным делом.

Основу «северных» работ М.В. Витова составили уникальные полевые материалы экспедиционного обследования народов Севера. В 1953–1958 гг. под его руководством проводилось изучение этнографических особенностей и антропологического состава севернорусского населения, а также его соседей – карелов, вепсов, лопарей, коми, удмуртов, частично бессермян и татар. В сборе материалов принимали участие студенты и лаборанты кафедр этнографии и антропологии МГУ. Разработка методики собирания данных, их интерпретация, систематизация и обобщение были всецело делом руководителя экспедиций.

Полевые материалы носили массовый характер. Были обследованы Карелия, Мурманская, Ленинградская, Архангельская, Вологодская области, Республика Коми, а также частично соседние или близкие к Северу районы Костромской, Пермской, Ярославской, Новгородской, Псковской, Тверской, Нижегородской областей и Удмуртии, т.е. как было написано в некрологе Михаила Владимировича, он изучил Русский Север «от финляндской границы и Чудского озера до Прикамья и бассейна Печоры»⁵.

Антропологическим измерениям подверглись около 8,5 тыс. чел., составивших 84 локальные группы (в каждой группе представлено не менее 100 чел.); этнографичес-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 01-01-0006а).

М.В. Витов. 1950-е годы

кое изучение охватило 124 локальные группы, что помогло проиллюстрировать распространение особенностей народной культуры жилища (на примере 7,5 тыс. построек), поселений, хозяйственных занятий, орудий труда и т.п. Локальные группы, выбранные для изучения на Русском Севере, были отдалены друг от друга на большом расстоянии – около 150 км, поскольку плотность населения здесь в несколько раз ниже, чем в других районах России.

И антропологическое, и этнографическое наследие, оставшееся после смерти этого талантливого ученого, представляют опубликованные книги и статьи, специфические таблицы и оригинальные карты. Поистине велико значение данных материалов, так как они были собраны в разноэтничной среде по единой методике и в сравнительно короткий срок. Особенно это относится к определению качественных, так называемых описательных, признаков, «имеющих огромную расоводиагностическую значимость в антропологии и этноопределяющую – в этнографии»⁶.

Сам ученый придавал особое значение антропологическим и этнографическим материалам, видя и в тех, и в других важные исторические источники, ибо, по его мнению, и этническая антропология, и историческая этнография сложились в научные дисциплины, благодаря использованию данных одна – о физическом типе человека, другая – об этнокультурном развитии народов (населения) для изучения этнической истории, т.е. «в связи с исторической проблематикой»⁷.

Роль данных антропологии особенно велика при изучении древнейших ступеней развития человеческого общества, но и для более поздних эпох они сохраняют значение и бывают наиболее важны, когда малочисленны или отсутствуют письменные источники. В применении к территориям Восточноевропейской равнины такие данные необходимы для решения вопросов этногенеза восточных славян. Михаил Вла-

димирович убедительно доказал, что в отличие от «вещественных материалов» палеоантропологический материал и антропометрические данные по современному населению занимают «самостоятельное место в классификации видов исторических источников», расширяя источниковедческую базу и способствуя выяснению этноисторических проблем. Оценку таких материалов и развитие этой отрасли знаний М.В. Витов показал в своей работе по антропологии Русского Севера. Он проследил этапы становления этнической антропологии начиная с возникновения Антропологического отдела Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, с исследований А.П. Богданова, Д.А. Анучина и других ученых, с создания в начале XX в. Русского антропологического общества в Петербурге, с существования школы Ф.К. Волкова, исследований Д.А. Золотарева и других и оканчивая трудами ученых советского времени – В.В. Бунака, Я.Я. Рогинского, Г.Ф. Дебеца, Н.Н. Чебоксарова, а также Русской антропологической экспедиции 1953–1959 годов⁸.

Этнографические данные, в отличие от антропологических, относятся в основном к обозримым эпохам и позволяют изучать народную культуру в ее разных формах. Поскольку развитие культуры обусловлено этнической историей любого народа, то подобные источники дают возможность проследить этноисторическое и этнокультурное развитие регионов. Такой задаче был подчинен сбор материалов в экспедициях М.В. Витова. Эти данные явились «этнографической энциклопедией» и легли в основу его работ по этнографии Русского Севера⁹.

Используя тот или иной источник, ученый оценивал его с точки зрения объема и содержания. Под содержанием он понимал все отраженные в нем разнородные исторические факты, под объемом – количественную сторону, совокупность исторических фактов одного порядка и показывал, как и в какой степени можно использовать источник. Он предостерегал от «подводных камней», которые таят современные источники, поскольку сейчас ограничены возможности для появления новых материалов и по прошлым эпохам, и по настоящему времени. Многовековые этнические процессы, особенно ассимиляция и смешение групп населения, затрудняют обследование по его этническому и территориальному (месту рождения) составу. Это, как правило, характерно для районов сильного промышленного развития и для вновь осваиваемых земель. Для этнической антропологии такое обстоятельство компенсируется пополнением краниологических коллекций, для исторической этнографии – открытием новых архивных фондов.

М.В. Витов никогда не работал с одним типом источников. При научном анализе он пользовался, кроме основных материалов по антропологии либо по этнографии, дополнительными данными смежных дисциплин – археологии, истории, лингвистики. Его скрупулезный разбор содержания всех видов источников может служить образцом нетрадиционного подхода к решению проблем этнической истории славян и освоения ими новых земель.

Так, изучая этнический состав населения Северной Европы, М.В. Витов подчеркивал вероятную антропологическую близость *ильменьских* (новгородских) *словен* к жителям Скандинавии. По его данным, это было обусловлено вхождением в состав северных европейских народов одних и тех же этнокомпонентов, восходящих к верхнепалеолитическим насельникам континента. Для доказательства такого заключения он прибегал к другим источникам, в частности к историческим свидетельствам (археологическим находкам и руническим надписям) о связях Новгородского и Скандинавского Севера. Доказательству немало способствовал анализ «Уставной грамоты Святослава Ольговича» XII в., содержащей сведения о заселении Севера новгородцами. Ареал определенного ученым *ильменьско-беломорского* антропологического типа у населения Русского Севера совпал со славянской (новгородской) территорией, зафиксированной в этой грамоте.

Для проверки такой «картины» Михаил Владимирович использовал еще один круг источников – данные языка. Сопоставляя антропологические и диалектологи-

ческие карты, он заметил совпадение ареала ильменьско-беломорского типа с ареалом трех северных диалектов – западного (новгородского), частично олонецкого и главным образом северного (поморского). Такой же результат дало сопоставление ильменьско-беломорского антропологического ареала с ареалом распространения новгородского слова *шелонник* (название юго-западного ветра) – выявилось почти полное совпадение этих ареалов.

Ильменьско-беломорскому ареалу М.В. Витов находил много этнографических соответствий в культуре народного жилища, северных поселений, сельскохозяйственных орудий и в фольклоре. В частности, распространение былинного эпоса в пределах Севера свидетельствовало, что указанный антропологический ареал и очаги былинной традиции являются отражением одного и того же исторического процесса – новгородской колонизации, истории заселения северных пространств со стороны Новгорода.

В последние годы жизни Михаил Владимирович стал интенсивно использовать еще один вид языковых источников – топонимический материал. Он обратился к названиям поселений и проследил их временную динамику с XV по XVIII в.¹⁰ Топонимические реконструкции помогли ему в исследовании путей заселения Русского Севера.

Примеры использования этим автором разнородных источников не единичны. Работая над статьей «Русский Север в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов)»¹¹, автор использовал кроме массовых антропологических и этнографических материалов показания памятников письменности – нарративных источников, актового материала, писцовых и переписных книг XV–XVII вв., частично ревизий и материалов Генерального межевания XVIII в., а также сведения из фольклористики, житийной литературы и других видов источников. При этом исследовании была велика роль этнографических источников и фольклора, на основании которых выявлены культурные зоны на Севере. Таким способом использования и анализа данных разных дисциплин достигалась взаимная проверка содержания всех видов источников, их сопоставимость, а, следовательно, расширение традиционного источниковедческого арсенала.

Комплексный подход к изучению исторических и этногенетических проблем не был новостью для ученых как до М.В. Витова, так и при его жизни, но исследователи, как правило, ссылаясь на выводы специалистов в других областях, сопоставляли лишь их конечные результаты со своими. Михаил Владимирович пошел значительно дальше. Сопоставление данных, по его идее, должно происходить на всем протяжении работы, а не только их заключительных выводов, начиная с выбора объекта исследования. Именно этой стороне дела он придавал особое значение и уделял ей много внимания.

Самой важной заслугой ученого в отечественной русской этнографии и антропологии явился разработанный им метод обработки статистического материала и составление на его основе оригинальных картосхем. Сбор полевых материалов проводился с помощью специальных анкет-бланков, в которых при антропологическом обследовании заносились индивидуальные размеры и характеристики людей, при этнографическом – фиксация признаков этнографического объекта или памятника.

Если антропологическая анкета была в то время достаточно разработана и апробирована при многих обследованиях и во многих регионах, то этнографическую ученому пришлось тщательно обдумать и составить, учитывая индивидуальные особенности собирателей-полевиков, работавших по такой программе, и различные обстоятельства, на которые можно было натолкнуться в поле¹². Бланк требовал от собирателя творческого исследовательского отношения – немеханической фиксации этнографических признаков. В анкете была заложена унификация методики, для того чтобы различия между записями исследователей не оказались больше фактических различий между группами объектов, которые изучались, и чтобы эти записи были пригодны для сопоставлений. Более тщательное этнографическое описа-

ние (нежели сведения анкеты), подробная работа с информаторами, визуальная фиксация объектов, по замыслу М.В. Витова, служили приложением к материалу, собранному способом массового обследования с помощью бланка¹³. Такие полевые данные содержали не только сплошное «собрание» этнографических материалов, но и их количественную характеристику. Неудивительно, что один из учеников Михаила Владимировича – В.В. Пименов сказал о нем, что он первым «ввел число в этнографию».

Все количественные данные группировались М.В. Витовым в статистические таблицы, в которых по отдельным рубрикам были представлены характеристики того или иного изучаемого объекта, будь то человек при антропологическом обследовании или элементы народной культуры при этнографическом¹⁴. Составление таблиц было не менее важным этапом работы, чем сбор массовых данных по изучаемой территории. С таблиц начиналась обработка этих данных, заключающаяся в определении географии признаков, элементов и характеристик, содержащихся в имеющемся полевом материале, в определении их таксономической ценности, установленной временем возникновения этно- или антропоопределяющего признака. Все подсчеты по таблицам производились ручным, а в последние годы жизни ученого машинным способом. Образованный материал наносился на карты (географическую основу) специальными для каждой техничными средствами и далее проводился анализ картографического материала, заключительным этапом которого становилась типология форм культуры либо антропологическая классификация.

М.В. Витовым были составлены 22 карты по антропологии разноэтничного населения Русского Севера, в которых показаны географическая изменчивость отдельных антропологических признаков и наличие сформировавшихся там антропологических типов. По этнографии Русского Севера Михаил Владимирович успел составить 36 карт, в которых отражено развитие двух форм народной культуры – северного жилища (вертикальное и горизонтальное развитие дома, географическое распространение признаков крестьянской усадьбы, строительная техника) и занятий населения (земледелие, пахотные орудия, распространение сельскохозяйственных терминов)¹⁵.

Поскольку источниковедение как специальная научная дисциплина применительно к историко-этнологическому картографированию в 1950–1960-е годы еще не разрабатывалась, М.В. Витов рассмотрел некоторые общие вопросы этой проблемы и убедительно доказал отличие этнографического и антропологического картографирования от археологического и лингвистического (при которых картографировались однородные объекты), заключающееся в качественном разнообразии объектов и в технических способах и методах составления карт. Этнографические объекты – размещение населения (этносостав, плотность, характер и динамика расселения), народная культура (материальная и духовная) и особый объект в антропологическом картографировании – расовые особенности человека – требуют применения различных методов и приемов и картографирования, и систематизации данных.

Кроме того, он показал, что метод этнографического да и антропологического картографирования – не простой иллюстративный прием, а способ исследования, ибо этот метод предполагает разработку вопросов анализа и синтеза материалов, положенных в основу исследования, определения понятийного аппарата, скажем, в этнографическом картографировании – «этнологического типа». Он ввел свое понимание такого типа, вскрыв ошибки в его трактовке, существовавшие в науке (см. ниже). Помимо всего прочего он касался вопросов о «переходных», «контактных» зонах этносов и границ между ними, предполагающих необходимость обращения к этническому самосознанию и социальной психологии народов, в особенности если на той или иной территории шли бурные этнические процессы – ассимиляция, смешения и т.д.

В последних случаях он считал недопустимым механический перенос на карту показаний любого источника, даже современного или самого совершенного, и призывал к щепетильной его научной критике, оценке степени достоверности для разрешения

каждого конкретного вопроса, выяснения условий его создания, проверки показани-
ями других источников.

Основным принципом разработанного М.В. Витовым метода антропологическо-
го и этнографического картографирования отдельных элементов или целых про-
цессов¹⁶ было наложение на карту массового единовременного материала, собран-
ного по сплошной территории. Пространственный аспект изучения явлений должен
обязательно быть связан с хронологическим аспектом. Существенным недостатком
многих, например, этнографических карт, он считал их немассовую, а чаще случай-
ную базу, недатированность и нередко неопределенную локализованность данных.

Массовость материала определялась им плотностью населения той или иной тер-
ритории, характером его размещения, независимо от языковых границ. Установле-
нию типологии этнокультурных явлений должен был предшествовать анализ гео-
графического распределения отдельных элементов целых культурных комплексов,
особенно таких сложных, как комплексы жилища, одежды, системы питания, хозяй-
ственных комплексов.

При выделении этнографических типов критерием, по М.В. Витову, считался их
ареал, поэтому этнокультурная типология у него не предшествовала картографиро-
ванию, а являлась его следствием, т.е. результатом поисков этноопределяющих и да-
тирующих признаков и установления их распространения.

Ученый объяснял, что в понятие «этнографический тип» разные исследователи
вкладывали различное содержание: одни рассматривали его как формальную разно-
видность какого-нибудь элемента культуры, другие – как высшую таксономическую
единицу в систематике. На создание той или иной типологии в различных трудах по-
вливали приемы полевой работы, заимствованные, например, из архитектурной и ис-
кусствоведческой практики (обмер построек), из сельскохозяйственной литературы
(описание орудий труда) и т.п. В результате в классификациях по материальной
культуре нередко лежали конструктивные (морфологические) различия, а они, как
правило, были связаны с экономическими, социальными, географическими условия-
ми и мало что определяли в этнографической систематике.

Так, при выделении типов жилища маркирующее значение построек следует оп-
ределять, как он считал, не столько материалами для строительства, их абсолютны-
ми размерами, конструктивными приемами, т.е. тем, что было непосредственно свя-
зано с окружающей средой, хозяйственной направленностью, социальной характе-
ристикой их владельцев, сколько консервативностью отдельных этнокультурных
признаков вне зависимости от их функциональной роли. Наиболее продуктивным
становилось сопоставление именно хронологически единовременных локальных
комбинаций признаков (систем), между которыми установлена историческая, а не
функциональная корреляция. Время возникновения признаков (чем древнее, тем
лучше) определяло и их таксономичность. Для культуры жилища таковыми были
внутренняя планировка дома и характер связи между постройками. И тут, как пред-
остерегал Михаил Владимирович, необходимо учитывать возможную хронологичес-
кую неоднородность имеющегося материала: нередко исследователи сталкиваются
не с типами той или иной формы культуры, а с их состоянием.

В антропологическом картографировании был наименее разработан научный
синтез показаний разных дисциплин для изучения этнической истории. Это проис-
ходило, как полагал М.В. Витов, из-за чисто механического сопоставления ареалов без
должной источниковедческой критики. Особенно он подчеркивал невозможность
прямых сопоставлений современного и древнего материала (подобное имело место
и в этнографии), поскольку в разные исторические эпохи происходили значитель-
ные смещения населения и шли разнообразнейшие этнические процессы, повлиявшие
на этнокультурное развитие народов и их антропологический состав.

М.В. Витов предлагал и различные технические средства при этнографическом и
антропологическом картографировании. Они, как он объяснял, зависят от задач ис-
следования, особенностей материала и источников. Чаще в этнографии использова-

лись однообразные приемы – значковый метод либо метод ареалов. Ученый доказывал возможность успешного применения различного вида картограмм, изолиний, точечного метода и др. Большие технические возможности дает использование именно массовых, сопоставимых, датированных данных.

В этнической антропологии получили распространение картограммы и картодиаграммы, но у них были недостатки, состоящие в разбивке величин на несколько условных классов вне зависимости от признака, хотя отдельные признаки варьируют в разной степени. М.В. Витов предложил картографирование антропологического материала, исходя из межгрупповых средних величин, причем разбивка на классы основывалась на величинах «среднего квадратического отклонения»¹⁷.

Разработанные ученым методы и подходы в антропологических и этнографических исследованиях успешно применялись им самим в работах по Русскому Северу, они получили одобрение и высокую оценку в научной среде и были заимствованы исследователями как северных народов, так и населения других регионов (главным образом русских территорий или мест расселения соседних с ними народов на Севере, в Поволжье, Европейской России в целом и части Сибири) и даже стран (например, Белоруссии, стран Прибалтики, Албании).

Основными трудами М.В. Витова, как уже указывалось, были книги и статьи по Русскому Северу. В 1962 г. вышла в печати его монография «Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв.», в основу которой была положена его кандидатская диссертация¹⁸. Целью этой работы явилось исследование поселений с историко-географической и этнографической точек зрения. Определяя эти аспекты, Михаил Владимирович, с одной стороны, подчеркивал вспомогательность исторической географии, не претендующей на разрешение узловых вопросов истории, но отражающей территориальную сторону исторического процесса, с другой стороны, отмечал роль этнографии для понимания исторических проблем и относил поселения к объектам этнографического изучения, поскольку они являются элементом народной материальной культуры, а их развитие тесно связано с существованием той или иной общественной организации (с. 3). М.В. Витов дал разбор ряда научных школ, разрабатывавших эту проблему, – западноевропейской историографии во главе с А. Мейтценем, настаивавшей на связи расселения с экономической и социальной историей, антропогеографической школы (Б. Заборский, И. Цвийч), отдававшей приоритет влиянию на расселение физико-географической среды. Он остановился и на анализе взглядов отечественных дореволюционных (И.Г. Георги, А. Щапов, А.И. Воейков, В.П. Семенов-Тянь-Шанский) и советских исследователей (Н.Н. Воронин, С.Б. Веселовский, С.А. Ковалев, В.В. Покшишевский и др.).

Во избежание разнообразия существовавшей терминологии в изучении сельских поселений ученый предложил свою разноуровневую их классификацию, основанную на нескольких критериях/параметрах и позволяющую рассмотреть культуру поселений с нескольких сторон (аспектов): по типам заселения (расположения на местности в зависимости от физико-географических условий), типам поселений (их социально-экономической разновидности), формам поселений (планировка) и типам расселения (группировке поселений относительно друг друга), определяющим картину сельского расселения в целом. Вне связи с изучением социально-экономических отношений конкретного населения и всех этих сторон каждого селения классификация, как он указывал, становится формалистической (с. 17). Его заслугой было также выявление особого типа северного расселения – *гнездового расселения*, всецело связанного с историей крестьянской общины, динамику которой он и вскрыл.

Северные поселения М.В. Витов исследовал на материалах писцовых и переписных книг и обширного актового материала XVI–XVII вв., применил разработанное им картографирование поселений и сопоставил свой материал с массой разнообразных дополнительных источников. Любимый элемент сельских поселений – социально-экономический тип (село, деревня, погост и т.п.), тип заселения (прибрежный, водо-

раздельный), планировочные формы (беспорядочная, однорядная, уличная, сложная) – он рассматривал в их стадильном развитии и с обоснованием времени и условий их происхождения.

Очень важные выводы он сделал о развитии и функционировании северных погостов и самых распространенных сельских типов – деревень от их однодворного или малодворного состояния до разрастания в относительно многодворные для Севера селения. Эту картину он подкрепил анализом разнообразных источников, вскрыв тот сложный путь, который прошли деревня и община в целом от односемейной организации (большой семьи) через *патронимические коллективы* до соседской (территориальной общины) с эволюцией крестьянского землепользования в каждой из стадий (гл. V). Причем, он уточнял применительно к Северу укоренившуюся в этнографии теорию патронимии, разработанную М.О. Косвенем¹⁹, показав, что собой представляла патронимия на Севере и связанное с ней гнездовое расселение (гл. VI, VII). Это не долевая деревня (вид землепользования в идеальных долях в общих угодьях), которую М.О. Косвен принял за северную патронимию и видел в ней многодворное поселение. Северная патронимия, по М.В. Витову, жила разбросанно из-за специфических условий в соседних однодворных деревнях, где было оазисное расположение удобных для земледелия массивов. Исходной формой северной патронимии-гнезда явилось *печище* (большая семья) – локализованное поселение группы родственников, которое при сегментации дало начало разбросанным однодворным селениям патронимических коллективов.

Говоря о планировочных формах селений и их происхождении, столь любимой теме этнографов, занимающихся изучением сельских поселений, М.В. Витов предостерегал от чрезмерности в оценке роли этнической традиции в развитии планировок, поскольку речь могла идти о культурных явлениях последних столетий (если учесть, что северные селения до XVII в. были в основном одно-трехдворные). Этноопределяющая ценность подобных явлений невелика и по причине того, что во многих случаях они легче объяснимы особенностями природной среды и хозяйства, степенью развития путей сообщения, наконец, видами землепользования, нежели этнической традицией (с. 158).

Этот опыт изучения поселений был продолжен ученым и воплощен в совместном с И.В. Власовой труде «География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв.»²⁰. Работа была посвящена существенному разделу исторической микрогеографии – принципам изучения размещения и группировки отдельных сельских поселений. Была выполнена серия карт сельского расселения на примере пяти погостов-округов, входивших в состав Заонежской половины Деревской пятины Новгородской земли до ее подчинения Москве в конце XV в. В книге дана оценка этих оригинальных карт как своеобразного исторического источника. Богатство материалов, с которыми работали авторы, предоставило возможность проследить историю крестьянских поселений по восьми периодам. Это было осуществлено благодаря «комбинированной» форме исторического источника – путем сочетания показаний самых ранних описаний в писцовых и переписных книгах (с 1496 по 1678 г.), затем в ревизских сказках 1720 г. и материалах Генерального межевания 1782 г. (с. 143).

Сопоставление картографических материалов, составленных по этим источникам, позволило прежде всего восстановить основной колонизационный путь в Западное Поморье из Новгорода и датировать его этапы (с. 149). При рассмотрении характера размещения поселений на местности и их группировке выявилось, что хозяйственная и идеологическая связь между патронимическими коллективами, населявшими гнезда, нарушилась довольно скоро из-за природных особенностей Севера, разбросанности деревень, но сами гнезда остались и, более того, в этих районах они сохранились до сих пор (с. 153).

Анализируя изменения размеров заонежских деревень по выбранным восьми хронологическим периодам, авторы пришли к выводу об окончании внешней колонизации западно-поморских районов к концу XV в. и подтвердили ранее высказанную

М.В. Витовым мысль, что дальнейшая картина заселенности территории была следствием не столько естественного прироста населения, сколько социально-экономического развития – распада большой семьи и появления *долевой деревни* (XVI в.), а с конца XVII в. – ее крушения и развития соседских территориальных коллективов (с. 183–184).

Использованные в этой монографии материалы дали еще одну возможность показать процесс заселения территорий по топонимическим данным. Таблицы сопоставления населенных мест по тем же восьми периодам, что и составленные карты (II раздел), позволили рассмотреть, как изменились названия селений (топонимы) за длительную историю их существования, а это, в свою очередь, помогло разработать методику сопоставления исторической и современной топонимии (с. 185). В книге был осуществлен анализ географических названий по их семантическим типам (смысловому значению), в отличие от метода лингвистов, которые проводят формантно-грамматический анализ. Оба метода являются целесообразными и особенно результативными, если их применять вместе (с. 190–193). Прослеженное развитие топонимии и трансформаций в ней подтвердило выводы, сделанные по основным источникам, о путях и времени колонизации Заонежья, о картине размещения и группировки поселений, обусловленной социально-экономическим развитием северных селений.

В последние годы жизни М.В. Витов работал над капитальным трудом по антропологии и этнографии Русского Севера. Труд остался незавершенным, но его ценность неоспорима и в наши дни. Он был издан в неоконченном виде через много лет после смерти автора в двух упомянутых выше книгах – «Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера» и «Этнография Русского Севера»²¹.

Подобных обследований и уникальных материалов, собранных и систематизированных автором, нет в отечественной науке. Они не потеряли свои ценность и актуальность и сейчас. Книга по этнографии Севера содержит частично опубликованные²² и неиздававшиеся материалы. К опубликованным относятся главы о поселениях, в которых дано обоснование принципов предложенной автором классификации – их изучения с нескольких сторон и подчеркнута необходимость рассмотрения развития селений в связи с этнической историей районов (с. 61). Кроме того, именно здесь дано объяснение сущности выявленного Михаилом Владимировичем *гнездового типа расселения* на Севере (с. 69–78), его происхождения и развития, его сопоставления с известным, например, на Украине *скупенным расселением*. Ученым была высказана мысль о гнездовом расселении как определенном этапе в истории поселений всей Восточноевропейской равнины (с. 88).

Неизданные материалы составили отдельные главы и приложения: «Об источниковедении и историко-этнографическом картографировании», «Народное жилище Русского Севера», этнографические карты «Народное жилище», «Пахотные урудья», таблицы «Конструктивные элементы народного жилища и интерьер». В разделах о народном северном жилище кроме приложенных табличных разработок и 30 карт изложена методика изучения жилища и дана классификация этой формы культуры в нескольких ее уровнях по нескольким параметрам (типы связи двора и дома, камерность жилища, горизонтальное и вертикальное развитие дома, внутренняя планировка (с. 37–60)²³. Раздел по жилищу остался незавершенным. Автор также намеревался написать раздел о земледельческих занятиях севернорусского населения.

Его книга по антропологии Русского Севера составлена из табличных и картографических материалов (география отдельных антропологических признаков и целых антропологических типов на Севере) и статьи об антропологических данных как историческом источнике. О сущности этой книги уже говорилось в данной статье. Заслужившей автора явилась разработка метода антропологической картографии для этнической антропологии и обоснование использования данных антропологии для ре-

шения исторических проблем, в частности истории колонизации и расселения славян на Севере. Кроме того, ученый подчеркнул целесообразность использования такого материала при воссоздании исторического процесса не только древнейших эпох, но и II тысячелетия н.э. (с. 30).

В этих двух книгах Михаила Владимировича освещена проблема Русского Севера в этническом отношении. Такая картина воссоздана им путем обращения к этнической истории, при этом четко обрисован характер этнических процессов в разных северных районах и в разные исторические периоды. Во многих исследованиях Север обычно предстает областью, единой в этнографическом отношении, но при этом не исключается многовариантность его народной культуры. Известная культурная общность, по мнению М.В. Витова, была обусловлена не происхождением населения, как часто считали исследователи, а единством социально-экономических условий в течение длительного времени, начиная с XVI в., когда Север стал развиваться как часть Московского государства. Проблема этнического состава его населения волновала ученых лишь в одном – принимали ли финны участие в образовании русских? Одни сводили это участие к минимуму (Д.К. Зеленин), другие преувеличивали его значение (М.Н. Покровский, М.Т. Маркелов, С.П. Толстов). Обращаясь к этой проблеме, М.В. Витов со всей скрупулезностью исследовал этнические процессы начиная с ранних этапов славянского заселения Севера и пришел к выводу о формировании здесь «этнокультурных зон» – западной (Заонежье и Беломорье), восточной (верховья Северной Двины с притоками) и так называемого разорванного ареала (преимущественно периферийного на водоразделах), связанного с дославянским населением. Он доказал, что и по антропологическим, и по этнографическим данным западная зона была связана с новгородской колонизацией и что в составе современного населения Поморья и Нижнего Подвинья преобладал этнический компонент новгородского происхождения, обусловленный заселением Севера в XI–XV вв., это население стало носителем *ильменьско-беломорского* антропологического типа.

Формирование восточной зоны, по М.В. Витову, было связано с первоначальными миграциями из бассейна Верхней Волги, из Ростово-Суздальской земли («снизу» по отношению к Новгороду), и «низовской» компонент с XIII в. возобладал в составе населения этой зоны. Антропологическое обследование установило концентрацию *верхневолжского* антропологического типа (по М.В. Витову) в треугольнике, образованном тремя северными погостами-округами, носившими название «ростовские». Следы московских миграций в XIV–XVI вв. обнаруживаются на Севере в постепенном переходе особенностей современной крестьянской культуры и физического облика современного населения, живущего вдоль северных рек, особенно Северной Двины и Ваги. Здесь выявляется взаимопроникновение разных компонентов. Отлив населения из Московского центра на Сухону и Верхнюю Вагу со второй половины XVI в. дал окончательный перевес этой южной миграции и привел к формированию восточной зоны с первоначальным ростовским влиянием в зону более позднего московского влияния.

Этнический состав Севера, как показал в своих трудах М.В. Витов, не исчерпывался славянскими компонентами. Пришельцы-славяне встретили здесь предков финно-угров и взаимодействовали с ними, что оставило многочисленные свидетельства об участии дорусского компонента в этническом составе региона. Прежде всего об этом говорит сложившийся здесь *онежский* антропологический тип у финно-угорского населения и у русских некоторых окраинных территорий. Характер и степень ассимиляции славянами местных жителей или этносмешение с ними оказались неодинаковы в разных местах и хронологически различны, и как доказал ученый, были связаны с особенностями колонизации: при отдельных феодальных захватах, не сопровождавшихся массовыми крестьянскими переселениями, все этнические процессы были замедленны и не приводили к концентрации славян/русских в тех или иных местах; при масштабных передвижениях крестьян, особенно в XIV–XVI вв.,

происходили быстрое заселение ими пространств и быстрая ассимиляция местного населения, более малочисленного, нежели пришельцы.

Дальнейшая история Севера, особенно с XVII в., способствовала, как показано в работах М.В. Витова, сложению здесь относительно единого хозяйственно-культурного типа и сохранению на долгое время архаических элементов в культуре и быте северян. С этого времени не происходило значительных сдвигов в размещении населения, кроме заселения окраин (Кольский п-ов, Печора, Вятка, Кама). С XVI в. Север не испытывал внешних вторжений, поэтому, как считал ученый, можно быть уверенным в непосредственной преемственности населения с XVII по XX в. Именно этим было методически обосновано сопоставление результатов современных массовых обследований с показаниями источников XII–XVII вв. Социальная однородность населения до начала XX в. (преимущественно государственные крестьяне) обеспечивала и лучшую территориальную сопоставимость этнокультурных особенностей, проведенную ученым при изучении Русского Севера.

По завершении работ на Севере М.В. Витов задумал и почти осуществил обследование Русской земли. Ранее собранные им по единой программе антропологические и этнографические материалы ограничивались расселением трех восточнославянских народов. Сопоставление данных об этногенезе и исторической этнографии неславянских народов приходилось делать на основе результатов обследований, осуществленных по разным программам. Михаил Владимирович задумал провести изучение современного населения Русской земли в границах, в которых она пребывала на заре нашей письменной истории. В ходе этой работы было обследовано по единым антропологической и этнографической программам более 60 групп населения. Эти данные обладают исключительной ценностью вследствие их высокой сравнимости²⁴. Михаил Владимирович закончил статистическую разработку этих материалов, составил таблицы, но смерть оборвала задуманные им планы. Сами материалы не пропали, они хранятся в архиве Института этнологии и антропологии РАН.

М.В. Витов оставил после себя учеников, которые до сих пор не забывают его уроков. Самое важное, что дал ученый своим ученикам, – это школа, умение собирать материал и работать с источниками, а с применением его методики – проводить углубленное изучение явлений путем серьезного анализирования и систематизации получаемых разного рода данных. Издание учениками и коллегами его последнего незавершенного труда в двух книгах, в которых самой важной частью является обоснование его методики, введение в научный оборот его ценных материалов и разработок, – это не только дань памяти ученого, но и полезный вклад в современную историческую этнографию и этническую антропологию.

Примечания

¹ Алексеева Т.И. От составителя // Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997. С. 3.

² Те Ранги Хироа (Питер Бак). Мореплаватели солнечного восхода / Пер. с англ. М.В. Витова и Л.М. Пансичниковой. М., 1959.

³ Витов М.В. Антропологическая характеристика современного населения Восточной Прибалтики // Тр. Прибалтийской экспедиции. Т. 1. М., 1959; Витов М.В., Марк К.Ю., Чебоксаров И.И. Этническая антропология Восточной Прибалтики // Там же. Т. 2.

⁴ Аляксеў В.П., Витоў М.В., Цягака Л.І. Расавае географія беларусаў і праблемы этнагенезу. Мінск, 1994.

⁵ Михаил Владимирович Витов (1923–1968) // Сов. этнография (далее – СЭ). 1969. № 2. С. 156.

⁶ Алексеева Т.И. Указ. соч. С. 4; Витов М.В. Этнография Русского Севера. М., 1997. С. 40–60.

⁷ Витов М.В. Антропологические данные как источник по истории колонизации Русского Севера. М., 1997. С. 5.

⁸ Там же. С. 5–8.

⁹ Витов М.В. Этнография Русского Севера... и др. Полный список его трудов см.: СЭ. 1969. № 2. С. 157.

¹⁰ *Витов М.В.* Севернорусская топонимия XV–XVIII вв. как исторический источник // *Вопр. языкознания.* 1967. № 4; *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII вв. М., 1974. С. 184–190.

¹¹ Опубликована в: *Историческая география России* // *Вопр. географии:* Сб. № 83. М., 1970.

¹² Попытка подобной работы по бланку-анкету была предпринята еще в 1928–1929 гг. Н.П. Гринковой, но на материале одной группы, а не «сплошным методом», поэтому было исключено сопоставление материалов по разным районам. См.: *Витов М.В.* Этнография Русского Севера... С. 37.

¹³ *Витов М.В.* Антропологические данные... С. 10; *Он же.* Этнография Русского Севера... С. 38–39.

¹⁴ Таблицы помещены в его указанных трудах по антропологии и этнографии Русского Севера.

¹⁵ *Витов М.В.* Антропологические данные... С. 37–47, 179–201; *Он же.* Этнография Русского Севера... С. 95–132.

¹⁶ *Витов М.В.* Этнография Русского Севера... С. 25–33.

¹⁷ Метод сформулирован и иллюстрируется на антропологических материалах по Ирландии. См.: *Витов М.В.* Этнография Русского Севера... С. 10–14.

¹⁸ *Витов М.В.* Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962.

¹⁹ *Косвен М.О.* Семейная община // *СЭ.* 1948. № 3 и другие работы.

²⁰ *Витов М.В., Власова И.В.* География сельского расселения... М., 1974.

²¹ *Витов М.В.* Антропологические данные... М., 1997; *Он же.* Этнография Русского Севера. М., 1997.

²² *Витов М.В.* Русский Север в этническом отношении (современный состав и происхождение основных компонентов) // *Историческая география России...*; *Он же.* Формы поселений Европейского Севера и время их возникновения // *Кр. сообщ. Ин-та этнографии АН СССР.* Вып. XXIX. М., 1958; *Он же.* Гнездовой тип расселения на Русском Севере и его происхождение // *СЭ.* 1955. № 1.

²³ Классификация восточнославянского жилища разработана М.В. Витовым в статье «Вопросы этнографической систематики восточнославянского народного жилища» и опубликована при его жизни в «Вестнике МГУ». 1958. № 4.

²⁴ *СЭ.* 1969. № 2. С. 156–157.

I.V. V l a s o v a. In Memoriam of Mikhail Vladimirovich Vitov, an ethnographer and anthropologist (1923–1968).

The heritage of M.V. Vitov, a scholar who has created his own school and a unique research method for dealing with problems of history, is assessed. Vitov's works on ethnohistorical and anthropological research of the Russian North became classical.

The article comments on the contemporary importance of Vitov's methods and school. His research on the Eastern Slavic population remains unfinished, but his rich archive could be used by various specialists. The works he left is a valuable contribution to historical ethnography and ethnic anthropology.